

Юлия РИГБИ Мои девяностые часть пятая

Борис Николаевич Ельцин готовился к поездке в Китай. Это был его первый официальный визит.

Неожиданно к нам на ТВ с приглашением посетить Поднебесную обратились из CITS (аналог нашего министерства туризма), крупной туристической структуры, глава которой не только отвечал за туризм в КНР, но и входил в правительство республики.

Поездка была такой неожиданной, что не было времени собраться и мы с оператором только и успели, что обменять все деньги, что были при нас на огромную сумму – аж семь долларов... Когда проходили таможеню в аэропорту, нас долго терзали, так как никто еще со столь мизерной суммой не уезжал из страны. Помню, с каким рвением таможенник осматривал мою сумочку и, найдя двойную пудреницу, вытряс все содержимое, надеясь, что я в пудре прячу что-то очень ценное, что поможет мне выжить на чужбине. Но вот мы в огромном самолете, кроме нашей съёмочной группы в Пекин летят только веселые тетеньки с баулами и пачками долларов – это и есть наши будущие бизнесвумен. Дамы, кстати, угостили нас лапшой, разведенной кипятком, так мы узнали вкус ДОШИРАКа. Оказывается, водка и Доширак помогли челнокам выжить в поездках за товаром...

После 9 часового полета мы приземлились в аэропорту Пекина, буквально за неделю до визита Бориса Ельцина. Но подавать трап никто не спешил, в аэропорту была пересменка, и пограничники и таможеня пили чай... А мы сидели взаперти в душном самолете, набитом баулами и разглядывали незнакомый нам мир, как через три часа к нам медленно подкатил на велосипеде худой военный и с его благословения нас выпустили на воздух.

В аэропорту нас ждал шикарный белый автомобиль с белоснежной кожаной обивкой, с водителем в фуражке и смеющимся переводчиком в белоснежной тройке.

Первое после рукопожатия, что спросил нас переводчик Чжан – это привезли ли мы газеты русские. Мы изумились, но он шепотом пояснил, что страна полностью в изоляции и китайцы ничего не знают о происходящем в России, что живется им сложно и так далее. Иногда он подергивался, смотря на невозмутимого водителя, но тот смотрел лишь на дорогу.

- Он не знает русского, - успокоил нас Чжан и повез в штаб-квартиру CITS, где нас приняла глава этой конторы, она же министр, милая дама в черном костюме.

Ей очень понравились мои рисунки тушью, в стиле китайской традиции, мы поговорили о Дао и переменах в Китае и России, и она дала указания. Потом мы узнали, что она пересмотрела планы по нашему визиту и решила за два или день до приезда нашего президента показывать нам те места, которые посетит с Наиной Иосифовной Борис Николаевич.

Мы были оглушены, заморожены, очарованы Китаем. Поражало все: вереницы людей в серо-синих робах на велосипедах, заполонившие все дороги в часы пик, отсутствие автомобилей, невероятная приветливость первых встречных, удивительная трудоспособность и великолепие архитектурных ансамблей. Мы снимали все достопримечательности буквально за считанные часы до того, как туда привозили

Ельцина и везде мы видели идеальную, непостижимую для нашей русской души выучку персонала, чистоту и безупречность. Более всего запомнилась поездка в Летний императорский дворец Цыси, где так ждали визита Президента России, что буквально терли мостовые.

Чжан по дороге рассказывал нам о переменах и о том, как китайцы любят русских и как мечтают о прежней дружбе навек, о несвободе и прочем. Мы уже перестали коситься на нашего молчаливого водителя и говорили совершенно откровенно.

И тут, по моей дурости, мы узнали страшную правду. Дурость моя или наивность заключалась в том, что под конец нашей поездки мой оператор решил выпить. И пропал. Мой визит в бар и разговор на пальцах с барменом (английского здесь не знал никто) дал мне картину произошедшего: выпив весь виски (а в баре отеля была всего одна бутылка, и та на витрине), мой оператор ушел в народ, то есть искать водку ночью на улицах Пекина. Я, то засыпала, то вскакивала и звонила на ресепшн, и в его номер, пытаюсь узнать, вернулся ли парень. Оператора не было. Тогда ночью, спросони, я позвонила якобы нашему переводчику Чжану:

- Привет, извините, что среди ночи беспокою. Вы не видели Андрея, нашего оператора?

- Нет, - прохрипел сонный голос.

- Если вдруг он объявится или позвонят с ресепшн – дайте мне знать, - попросила я.

-Конечно, я перезвоню, если что узнаю, - сказал сонный голос на чистом русском и положил трубку.

Потом я соскочила и, включив свет, набрала последний номер еще раз, я ошиблась одной цифрой и попала в номер... нашего водителя.

Так он нечаянно себя выдал и позже, уже при прощании, сам мне сказал, что наивно было бы думать, что иностранцам дадут обычного водителя, а не специально подготовленного человека... Мы до сих пор в шутку его называем «наш полковник». Думаю, он был из китайского КГБ или что-то такое, так как Чжана после нашего возвращения сразу уволили. А мы успели к визиту Ельцина намонтировать с десяток документальных фильмов о Китае и показывали их на Уфа-ТВ.

Уфу первый президент России так же посетил вместе с Наиной Иосифовной, мне она даже дала эксклюзивное интервью, и я была очарована этой очень тактичной, обаятельной и истинно русской женщиной. Ельцина народ обожал, и таких толп я не видела никогда, охрана и журналисты буквально продирались вперед, а за нами шел Борис Николаевич с местными чиновниками и по ходу отвечал и журналистам, и простым людям из толпы:

- Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить...

Тогда эта фраза изменила жизнь многих из нас. Вернувшиеся из Турции, башкиры и татары стали притеснять нас, русских, украинцев и евреев. Муртаза Рахимов, президент Башкортостана, как было велено называть Башкирию, приказал давать квоты башкирской молодежи не только при приеме в вузы, но и при устройстве на работу. Молодым башкирским семьям помогали всем, включая жильем в башкирской столице, и деньгами. Турецкие имамы заполонили город. На телевидении нам стали указывать на то, что у нас, у городского телеканала, нет передач на башкирском языке, что вместо поп-музыки пора ставить народную, с башкирским кураем. Возле памятника народному герою, Салавату Юлаеву, признанному царской Россией бандитом и разбойником, а Советами – национальным героем времен Пугачева, поставили юрты

странные люди в башкирской одежде и жгли изображения России, и требовали выгнать русских вон.

Мне, как директору культурных программ и ведущий нескольких телепередач и фестивалей, пришлось уехать из Уфы после разговора с мэром города, который откровенно сказал, что из всех руководителей в столице Башкортостана только я и осталась с русской фамилией. Затем пошли угрозы по телефону и письмами - «Не уедешь с башкирской земли – потеряешь своего сына». Моего десятилетнего Ваньку стали пугать какие-то парни возле гимназии...

21 ноября 1997 года я, в обнимку с сыном, парой чемоданов и двумя тысячами долларов (полученных от продажи своих картин) уехала из Башкирии навсегда... Весь поезд был полон уезжавшими, вынужденными мигрантами – учителями и священниками, журналистами и коммерсантами. Новая Россия и новые суверенные республики показали нам, что мы та пена, которая им не нужна. Многие бежали из страны. А мне только и хватило денег, чтоб снять на пару месяцев квартиру в Москве и молиться, молиться, чтобы выжить с ребенком на руках, без помощи, но с надеждой...